

принадлежит социал-демократическим партиям. В то время как с конца XIX в. в Великобритании, Федеративной Республике Германии, Австрии, Дании, Нидерландах социалистические партии являются представителями «истинного» рабочего класса, Французская коммунистическая партия с 1945 по 1980 г. очевидным образом представляет «истинный класс рабочих»: человек, принадлежащий к категории «рабочие», по определению Национального института статистических и экономических исследований, будет относительно постоянно голосовать за коммунистов, особенно если он активно участвует в общественной жизни, работает на крупном промышленном предприятии и происходит из рабочей семьи, если он член профсоюза и живет в рабочем окружении. Даже если в 70-е гг. этот «истинный» рабочий (например, работник автомобильной промышленности Парижского района) представляет собой одновременно типичного избирателя, голосующего за коммунистов, т. е. неизменно отдающего свой голос за коммунистическую партию, отождествление партии и «класса» ни в коей мере не является результатом некоей эманации, а есть итог работы и борьбы, где решающую роль сыграл политический контроль коммунистической партии над ВКТ (см. гл. V)¹.

Последний вопрос относится к социально-историческому характеру голосования. География отданных за ФКП голосов свидетельствует о примечательной особенности: пережив значительный спад (26,1 % голосов во время парламентских выборов в июне 1951 г. и 7,7 % на европейских выборах 1989 г.), она сохраняет свои относительно прочные бастионы в сельских департаментах северо-запада Центрального массива. Но здесь идет речь о департаментах, где избиратели традиционно голосуют за левые светские партии и где компартия твердо укоренилась на основе ее пацифизма, провозглашенного на съезде в Туре. Во время Второй мировой войны эти умонастроения стали основой для развертывания движения Сопротивления, в котором коммунисты играли ведущую роль. Таким образом, исторические корни, политическая активность среди немобильного населения позволили ФКП сохранить свои позиции (коммунисты-диссиденты и коммунисты-ортодоксы получили вместе около 19 % голосов во время региональных выборов 1992 г., в то время как средняя цифра по стране составляла 8%). В департаменте Сарта результаты были еще выше (за оба списка проголосовало более 22%). Но в работах Поля Буа показано, каким образом в этом департаменте социальное расслоение на экономической основе, имевшее место до Великой Французской революции, еще более усилилось в период Революции и сохранилось далее, сказавшись, в частности, на религиозных расколах, происходивших в начале XX в.

Буа² показывает, что в департаменте Сарта фактически два разных населения: одно из них, если вернуться к XVIII в., проживало к западу от будущего департамента и владело довольно хорошими землями, а другое населяло менее плодородную восточную часть, экономика которой основана на домаш-

¹ Lavau G. A quoi sert le PCF. P. 51—52.

² Bois P. Paysans de l'Ouest. 1960.

нем ткачестве, выполняемом по заказам городской буржуазии. Во время Революции западная часть департамента Сарта была на стороне шуанов, а восточная — на стороне республиканцев. Политико-идеологическое противостояние, проникнутое глубокой ненавистью, возобновится в связи с вопросом о выборе политического строя в начале Третьей республики и с кризисом, порожденным отделением церкви от государства в начале XX в.; это противостояние привело к разделению населения на две группы, контрасты между которыми ослабевают медленно. Качество земли и результаты голосования опосредованно взаимосвязаны множеством отношений, существование которых делает невозможным утрату геологическими факторами их объяснительного значения.

Обращение к историческим глубинам при анализе электорального поведения показывает, что определение экспликативных переменных ведет к отказу от гипотетического взгляда на выборы как на реакцию.

ОТ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ К ГРУППЕ

Политические партии, профсоюзы, группы давления или толпа, собравшаяся для проведения демонстрации или организации мятежа, множество лиг, тайных обществ и других коалиций, структурирующих политическую деятельность, — все это неизменно вызывает вопрос: каким образом связаны между собой действие и организация? Прежде всего мы покажем на одном примере этого вида структуры, как рациональное индивидуальное действие может не совпадать с максимальной эффективностью, которая может быть достигнута в результате коллективно организованных действий. Затем мы рассмотрим рассуждения Манкура Олсона, который указывает на необходимость создания таких форм принуждения, как государство, чтобы обеспечить в рыночной системе получение определенных благ. Таким образом, ставится вопрос перехода от группы «в себе» к группе «для себя», от латентной группы к группе явной. Здесь решающую роль играет создание Марксом теории возникновения классовой борьбы. Можно сравнить эту теорию с сартровской концепцией генезиса группы, перехода от толпы к группе-субъекту и затем к бюрократии. Эта концепция существенно отличается от рассмотрения толпы как «безликого нечто», предложенного Хайдеггером. Именно восставшую толпу, толпу, взявшую Бастилию, Сартр берет в качестве модели и объекта исследования. Однако гипотеза, согласно которой «физическое насилие» является основным, фундаментальным методом политического действия, должна подвергнуться критическому анализу, в котором ленинское противопоставление демонстрации и восстания многое проясняет. «Социологический» тезис, согласно которому «представление» сводит политических деятелей к роли актеров, которые «все откладывают на завтра», является «политическим» тезисом, предлагающим более или менее завуалированную апологию физического насилия в качестве изначальной истины социального.

КОМПОЗИЦИОННЫЕ ЭФФЕКТЫ ПО РАЙМОНУ БУДОНУ

Социология, как описательная дисциплина, показывает, например, существование связи между политическим поведением человека и его принадлежностью к какой-либо социальной категории, но она может также поставить перед собой в качестве главной цели вскрытие причины поступков отдельных людей, т. е. объяснение действия, что означает его понимание. Но у Токвиля, Вебера, как и у Маркса, действие неизменно включено в определенную систему действий. Социология человеческого действия в обязательном порядке отражает взаимодействие и не по своему методологическому выбору, а потому, что гипотеза автономного действия в ее структуре является несостоятельной.

Один из постоянных элементов социологического анализа, а также моральных и экономических соображений заключается в рассмотрении соотношения между индивидуальным действием и его результатами. В некоторых случаях сложение или объединение индивидуальных поведений не производит какого-то особенного эффекта: французские землевладельцы в XVIII в. предпочитали государственную службу жизни в деревне, что вело к более высокому, чем в английских деревнях, уровню исхода. Но в некоторых случаях результат агрегирования нежелателен и нежелан. Раймон Будон, содействовавший популяризации термина «обратное воздействие» в отношении этой категории нежелательных эффектов, предостерегает, однако, против ее соблазнов; и действительно, результат суммы индивидуальных действий может оказаться обратным тому, что от них ожидали индивиды, но возможно также, что этот результат не будет ни негативным, ни неожиданным, ни нежелательным. Так, в политике налоговых льгот, предоставляемых вкладчикам, результат их индивидуальных решений ведет к росту сбережений, поступающих в распоряжение предприятий, и к увеличению инвестиций, а вследствие этого — к снижению уровня безработицы. Поэтому речь пойдет не столько об обратных эффектах, сколько о композиционных эффектах, об эффектах обнаружения, эффектах сложения или эффектах системы. Будон напоминает, что композиционные эффекты могут оказаться непредвиденными, например, Французская революция не ставила перед собой цель усилить централизацию, хотя, по мнению Токвиля и Маркса, это явилось одним из ее результатов. Но наряду с простыми композиционными эффектами существуют сложные композиционные эффекты, примером чего может служить модель выбора между содействием и соперничеством у Руссо (см. гл. III, с. 63—66).

В словаре теории игр парабол, которую предлагает Руссо, представлена как «игра страховки» (assurance game). Рядом с ней стоит структура дилеммы заключенного (prisoner's dilemma), которая обязана своим именем рассказу, позволяющему ее проиллюстрировать. Двое заключенных обвиняются в серьезном преступлении, предполагается, что они соучастники; они не могут общаться друг с другом, и им предлагают следующую сделку: если оба признаются в этом преступлении, то оба будут приговорены к относительно мягкому наказанию; если же признается один из них, то он будет освобожден, а второй приговорен к максимальному наказанию; если же ни тот, ни другой не признаются, оба будут выпущены на свободу. Каждый заключенный производит в уме расчет, стараясь

предугадать, как поступит другой. Каждый приходит к выводу, что признание будет оптимальным вариантом. Если бы они могли действовать сообща (что не представляется возможным ввиду их изоляции друг от друга), признавая или отрицая преступление, они понесли бы наименьшее наказание. Следует, кроме того, отметить, что признание в этой игровой системе является рациональным решением, даже если преступление существует лишь в глазах обвинителя. Арестованы два человека, у них нет документов, удостоверяющих личность, они подозреваются в том, что являются нелегальными иммигрантами. Полиция предлагает им следующую сделку. Если один из них признается, он получит постоянный вид на жительство, а другой будет депортирован в ту страну, из которой приехал; если признаются оба, то получают временный вид на жительство. Но если ни один из подозреваемых не признается, то оба останутся какое-то время в заключении, а затем будут отпущены. В интересах каждого из них признаться, что он является нелегальным иммигрантом, чтобы избежать высылки из страны. Иначе говоря, рациональный расчет может при определенных условиях привести к менее благоприятному решению. Оценим цифрой 100 постоянный вид на жительство, цифрой 50 — освобождение обоих заключенных после нескольких дней пребывания под арестом, цифрой 20 — временный вид на жительство и цифрой 0 — высылку из страны¹.

Используя эти цифры, составляем следующую таблицу:

		Поведение заключенного А	
		молчать (содействие)	говорить (соперничество)
Поведение заключенного В	молчать (содействие)	50 50	100 0
	говорить (соперничество)	100 0	20 20

Представленная здесь структура игры существенно отличается от структуры игры в футбол или покер, т. е. игр с нулевым результатом (что выигрывает один, теряет другой). Но в этом случае, как и во многих политических и экономических вопросах, существует возможность выигрыша для обоих игроков или, наоборот, обоюдного проигрыша. Таким образом, дилемма заключенных — это та же дилемма, с которой столкнулись сверхдержавы в гонке ядерных вооружений. Соединенные Штаты и СССР предпочли бы, чтобы другая сторона разоружилась, в то время как сами они сохранили бы свою ядерную мощь. Односторонне отказаться от ядерного оружия, когда другая сторона сохранит свой ядерный арсенал, является наихудшим из возможных решений. Следовательно, независимо от действий другой стороны, каждый из двух лагерей предпочитает оставаться вооруженным. Они могут, конечно, договориться о взаимном разоружении. Но проблема заключается в парадоксальной структуре принимаемых ре-

¹ Пример взят из кн.: Boursin J.-L. La statistique au quotidien. Vuibert. 1992.

шений: наилучшее *общее* решение зависит от того, насколько *индивидуальный* выбор стратегии является наихудшим. Иначе говоря, наибольшую опасность представляет собой тот случай, когда одна сторона проводит политику разоружения, а другая — нет. А именно на это нужно решиться, чтобы добиться разоружения. Но ясно также, что данная проблема допускает следующее решение: если СССР изменит свою политическую систему, вера в его обязательства может превратиться в рациональную веру со стороны американских руководителей. Короче говоря, если закончится «холодная война», взаимное недоверие исчезнет. То, что представлялось невозможным при Сталине и Трумэне, стало возможным при Горбачеве и Рейгане. Дилемма заключенных означает, что наихудшая стратегия не всегда одерживает верх, но что нужно найти такие механизмы, которые сделают рациональным выбор субъектом (или квазисубъектом, каким является государство в области международных отношений) наихудшей из стратегий, которая, однако, приведет к максимальной выгоде, если каждая из сторон примет одинаковое решение.

Раймон Будон предлагает представить в виде следующей таблицы различные композиционные эффекты. Возможны четыре ситуации: CC, CD, DC, DD, которые могут возникнуть в результате выбора двумя участниками между содействием и соперничеством:

		Второй участник	
		C (содействие)	D (соперничество)
Первый участник	C (содействие)	CC	CD
	D (соперничество)	DC	DD

Таблица читается следующим образом: в клетке справа внизу оба игрока оказываются от содействия.

В структуре, соответствующей структуре игры «Страховка» (сюжет Руссо про зайца и оленя, см. гл. III, с. 89), предпочтения распределяются следующим образом:

участник 1: CC > DC > DD > CD;

участник 2: CC > CD > DD > DC.

В игре «Дилемма заключенных» предпочтения выглядят следующим образом:

участник 1: DC > CC > DD > CD;

участник 2: CD > CC > DD > DC.

Согласно первой системе, соперничество является наилучшим вариантом, если имеется какое-либо сомнение в отношении решения о содействии со стороны другого участника. И напротив, в другом случае соперничество является оптимальным поведением, которое следует безусловно принять. Этот тип структурирования взаимодействий, впервые использованный теорией игр, предоставляет в частности, возможность противостоять произвольным и нежелательным последствиям сочетания индивидуальных действий. Как мы видели, примером того является наказание охотника, оставившего свой пост, создание механизмов общения и доверия в конфликтном союзе.

Манкур Олсон приводит исключительно поучительный случай, показывающий значение механизмов, позволяющих создать группу, которая борется за свои интересы.

ПАРАДОКС ОЛСОНА

Неорганизованные индивиды, имеющие общий интерес, причем каждый из них осознает этот интерес и понимает, что действие в составе группы позволит добиться большего успеха, не предпринимают, однако, коллективных действий. Группа остается виртуальной, латентной, потенциальной, как будто ее интерес, осознаваемый всеми членами группы, не позволяет ей самой мобилизоваться, организоваться, действовать. Выявление причин этой неспособности, которая обусловлена не леностью участников, а структурой действия, предоставляет возможность проанализировать и понять механизмы, позволяющие противодействовать этой логике. Одной лишь общности интересов недостаточно, чтобы осуществить совместные действия, иными словами, коллективные действия обладают своей собственной рациональностью, не совпадающей с рациональностью индивидуальных действий, поскольку группа не является субъектом. Рассмотрим следующий пример.

Некие собственники облагаются определенным налогом. Они думают, что, предприняв соответствующие действия (например, организовав кампанию в печати, лоббирование в парламенте), они могли бы его снизить. Эта группа состоит из 10 членов. Каждый из них должен уплатить в качестве земельного налога 4 франка. Проявив активность, они добьются снижения налога на 50%. Логично предположить, что эффективность действия зависит от его интенсивности, а интенсивность прямо пропорциональна числу участников, причем каждый из них обладает эффективностью, равной десятой доле общей эффективности, т. е. активность каждого собственника снижает налог на 10%. Если в группе будет всего 9 участников, то налог снизится уже не на 50%, а на 45%. Подобным же образом можно предположить, что повышение заработной платы или улучшение условий труда, которого удалось добиться в результате забастовки, будет тем более значительным, чем большим будет число участников. Вернемся к нашим собственникам. Снижение налога составит:

при 10 участниках 50%;

при 9 участниках 45%;

при 8 участниках 40%;

при 7 участниках 35%;

при 1 участнике 5%;

при 0 участников 0%.

Но следует также учесть, что действия требуют определенных расходов: собственники должны собраться, оплатить работу специалиста по лоббированию (для забастовщиков стоимость действия включает потерю заработной платы, увольнение, наказание в соответствии с действующим законодательством и его соблюдение предпринимателями или государством). Предположим, что каждый

собственник расходует в ходе своей деятельности 1 франк, общий доход от нее будет равен 50% от 4 франков $\times 100 = 200$ франков при расходах: 1 франк $\times 10 = 100$ франков. Суммарная прибыль составит 100 франков: поэтому рационально действовать коллективно. Каждый собственник (г-н «Эго») понимает, что, если будет действовать совместно с 9 другими собственниками, он получит прибыль в 1 франк. Но представим себе теперь рассуждения каждого из собственников: если г-н «Эго» не участвует в коллективной акции, то общая прибыль будет составлять 45% от 40 франков $\times 9 = 180$ франков при общих расходах, равных 10 франкам $\times 9 = 90$ франков; в этом случае члены группы констатируют, что их налог снижается с 40 до 22 франков, но у участника акции доход будет равен 8 франкам, тогда как у отступника он равен 18 франкам. Если каждый будет рассуждать, как г-н «Эго», в акцию никто не включится и никто ничего не выиграет. Рассуждения остаются в силе, если число участников снизится до 8 и менее человек. Таким образом, следуя элементарной логике, участников не будет вообще. Группа будет существовать лишь в потенции, а ее интерес не реализуется. Банальным примером этого парадокса является забастовка. Забастовщик (который теряет часть своей заработной платы) получит меньше, чем тот, кто не участвует в забастовке и увеличит свою заработную плату, ничего не потратив, а поскольку успех забастовки не гарантирован, то стоимость забастовочной акции увеличивается. Противоречие здесь бросается в глаза: с одной стороны, забастовка имеет тем больше шансов оказаться успешной, чем значительнее число забастовщиков и чем более массовой она является. С другой стороны, выигрыш от забастовки является коллективным, им пользуются как забастовщики, так и те, кто в ней не участвует.

Парадокс связан с существованием особого вида благ, которые носят название «коллективных». Речь здесь идет не о тех благах, которые потребляются коллективно (это может быть, например, чистота воздуха), а о благах, которые, будучи предоставлены одному лицу, достаются всему населению, независимо от того, были ли они оплачены всеми. Так, свет от маяка служит всем кораблям, с которых его можно увидеть. Радио- или телевизионные станции являются благами того же типа, если только их передачи не закодированы: в этом случае они могут потребляться лишь теми, кто вносит абонентную плату. Парадокс Олсона позволяет объяснить некоторые механизмы политического и социального действия и основные институциональные механизмы. Забастовочный пикет и государство. Если бы тот, кто не участвует в забастовке, получал от нее ту же выгоду, что и забастовщик, забастовок вообще бы не было. Следовательно, отдельных людей приходится принуждать к совместным действиям. Такова цель забастовочных пикетов или системы *closed shop*: в условиях этой системы предприниматели и профсоюзы заключают соглашение, согласно которому преимущественное право приема на работу резервируется за членами профсоюза, а профсоюзы ограничивают продолжительность и условия проведения забастовок. Эти методы создают, следовательно, вынужденное сотрудничество, примером которого является плата за пользование телевизором, представляющая собой средство, компенсирующее коллективную природу этого блага цивилизации. Но можно сказать, что функционально ограниченное либеральное государство об-

ладает олсонской легитимностью, допуская существование коллективных благ, не соответствующих платежеспособному спросу (например, национальная оборона) (см. гл. VIII, с. 243).

Один из способов обойти парадокс Олсона — одновременное распределение группой и коллективных, и индивидуальных благ. Они могут быть экономическими или почетными (мы хотим избежать термина «символические»). Здесь не имеет значения стоимость блага на другом, более широком рынке, важна его стоимость с точки зрения тех, кто его покупает: собственник может получить удовлетворение от того, что назначается председателем синдиката предпринимателей, и конкурировать с другим лицом, претендующим на это благо. Пост оплачиваемого работника в профсоюзе или штатного сотрудника в какой-либо партии связан с аналогичной функцией с точки зрения логики действия. Раскроем с помощью этого приема следующую особенность профсоюзной жизни во Франции: среди государственных служащих процент членов профсоюзов более высок, чем среди наемных работников частного сектора. Отчасти это объясняется тем, что общий статус государственной службы требует участия профсоюзов в паритетных органах, которые призваны регулировать индивидуальную карьеру (повышение по службе, перевод на другую работу) госчиновников, иными словами, при помощи этого институционального механизма профсоюзы распределяют индивидуальные блага. Можно также считать, что политические партии привлекают в свои ряды новых членов по мере того, как крепнет убеждение, что они могут гарантировать им индивидуальные блага либо в виде назначения на посты партийных функционеров, либо способствуя получению выборных мандатов.

Следует также подчеркнуть, что институты, призванные обеспечивать коллективные блага такого типа, как справедливость, бесклассовое общество или тридцатипятичасовая рабочая неделя, стремятся одновременно распределять индивидуальные блага. Здесь задействован ряд механизмов, которые способны породить такие явления, как коррупция, но в то же время и укрепить организацию, оказав ей определенную поддержку: если какая-либо партия помогает своим членам получить квартиру в муниципальных домах с умеренной квартильной платой, это, безусловно, обеспечит ей приток новых членов; если партия обладает правом рекомендовать сотрудников на должности в госаппарат (это может быть назначение на высокую должность во внешнеполитическом ведомстве или на местном уровне), то она имеет больше шансов увеличить число своих членов. Коррупция здесь проявляется в том, что партия для обеспечения роста своих рядов присваивает себе блага, которые должны принадлежать всем, и распределяет их согласно критериям, не соответствующим принципам справедливого вознаграждения.

Однако, какова бы ни была обоснованность парадокса Олсона, может возникнуть вопрос, не ослабляется ли его объяснительная значимость тем фактом, что всегда можно привести пример распределения индивидуальных благ той или иной организацией, идет ли речь о приеме на работу или о поощрении за участие в хорошем деле¹.

¹ Это критическое замечание взято из кн.: Boudon R. La place du désordre.

ОТ ДЕЙСТВИЯ К КЛАССОВОМУ СОЗНАНИЮ: ГЕНЕЗИС КЛАССОВОГО СОЗНАНИЯ У МАРКСА

Олсон предлагает рассмотреть вопрос о преодолении препятствий при создании группы. Проблема эта не нова, и Маркс ставит и решает ее на примере генезиса классового сознания. Вопрос о переходе от «группы в себе» к «группе для себя» находит свое решение в самом существовании классовой борьбы. Ключ к пониманию классового сознания пролетариата следует искать в общении: рабочие становятся общественным классом в процессе «зеркальных» конфликтов с классом буржуазии. И действительно, рабочие повсеместно противостоят хозяевам, которые всюду одинаковы, несмотря на их внешнее различие, таким образом они приходят к осознанию того факта, что и они сами идентичны друг другу в той же степени, в какой радикальным образом отличаются от Других, которые неизменно кажутся им подобными друг другу и противостоят им. Железная дорога является проводником классового сознания, так как, объединяя территорию, позволяет рабочим констатировать единство класса буржуазии и, осознавая это, прийти к осознанию самих себя. Проследим, как были изложены в «Манифесте Коммунистической партии» в 1848 г. этапы генезиса классового сознания или, точнее говоря, последовательные стадии развития пролетариата. Развитие (Entwicklung) представляет собой у Маркса процесс последовательного разрешения противоречий.

Сначала борьбу ведут отдельные рабочие, потом рабочие одной фабрики, затем рабочие одной отрасли труда в одной местности «против отдельного буржуа, который их непосредственно эксплуатирует». Речь еще не идет о классовом сознании, а, скорее, о прямом столкновении, при котором «буржуа» существует как таковой, а не как представитель класса буржуазии. Действия рабочих носят насильственный характер: они разбивают машины, уничтожают товары и т. д. И эти действия направлены на то, чтобы силой восстановить утраченное положение средневековых рабочих. Речь действительно идет о борьбе, но не о борьбе между классами: «На этой ступени рабочие образуют рассеянную по всей стране и раздробленную конкуренцией массу».

Преодоление этой распыленности представляется невозможным: рабочие разделены и конкурируют друг с другом. Существует не борьба рабочего класса против буржуазии, а борьба рабочих между собой и против буржуазии. Переход к существованию в качестве класса находит свою отправную точку не среди рабочих, а среди буржуазии, и не в соответствии с причинностью экономического типа, а в соответствии с политической причинностью. Раздробленность рабочих перейдет в классовое единство в процессе, опосредованном буржуазией, причина этого прежде всего политическая. В самом деле, если раздробленная масса рабочих становится «сплоченной массой», то потому, что буржуазия должна «мобилизовать» весь пролетариат для достижения своих собственных политических целей. Вступив в борьбу с аристократией, буржуазия нуждается в политической мобилизации всех рабочих, которых в результате она объединяет. На этой ступени пролетарии борются, следовательно, не со своими врагами, а с врагами своих врагов — с остатками абсолютной монархии, землевладельцами, но-

промышленными буржуа, мелкими буржуа. Все историческое движение сосредоточивается, таким образом, в руках буржуазии; каждая одержанная в таких условиях победа является победой буржуазии». Стало быть, «сплочение рабочих масс пока является еще не следствием их собственного объединения, а лишь следствием объединения буржуазии». Классовое единство пролетариата — это результат борьбы между классами, но не классовой борьбы пролетариата, а борьбы класса буржуазии и политической классовой борьбы.

Следующий этап представляет собой рост силы пролетариата и стирание различий между пролетариями. По мере того как развитие промышленности ведет к численному росту пролетариата и его концентрации, сознание, формирующееся у пролетариата, становится прежде всего осознанием своей растущей силы. В то же время условия жизни рабочих все более нивелируются, и возникают первые торговые кризисы, отрицательно сказывающиеся на положении рабочих: «столкновения между отдельным рабочим и отдельным буржуа все более принимают характер столкновений между двумя классами». Борьба, следовательно, является тем фактором, который создает класс: пролетариат как класс не предшествует классовой борьбе, а класс порождается самой борьбой. Он начинает формироваться в результате создания первых ассоциаций, и порой борьба переходит в открытые восстания. Эта борьба приводит лишь к временным победам, но, так как она ведет к укреплению «союза» пролетариев, она приобретает способность к самовоспроизводству.

Однако формирование класса не является результатом одной лишь логики борьбы между антагонистическими силами: оно зависит также от «средств сообщения», создаваемых крупной промышленностью и развивающих географическую мобильность рабочих: «Одной этой связи достаточно для того, чтобы централизовать многие местные очаги борьбы, носящие повсюду одинаковый характер, и слить их в одну национальную, классовую борьбу». Следовательно, масштабы и природа политического единства, в котором происходит эта борьба, обуславливают ее развитие: не существует местной классовой борьбы, а только лишь борьба в масштабах всей нации, которая является политической формой, соответствующей крупной промышленности. «А всякая классовая борьба есть борьба политическая. И объединение, для которого средневековым горожанам с их проселочными дорогами потребовались столетия, достигается современными пролетариями, благодаря железным дорогам, в течение немногих лет». Маркс называет этот процесс «организацией пролетариев в класс и там самым — в политическую партию». Процесс становления класса и классовой борьбы — это единый процесс, который основан на двойном механизме: рабочие поддерживают между собой связи, эволюционирующие от взаимной конкуренции и распыления к объединению, по мере того как пролетариат обретает все большую независимость от буржуазии. Вначале рабочие представляли собой разрозненную массу, мобилизованную буржуазией, а в конце процесса пролетариат мобилизуется против буржуазии. Сознание возникает сначала как осознание пролетариатом своей силы: классовое сознание является, по существу, не осознанием себя как класса, а осознанием борьбы класса, ведущейся классом. Именно в этом смысле можно сказать, что классовое сознание и класс не являются

первичными понятиями, а представляют собой производные: борьба рабочих порождает классовое сознание пролетариата.

Объединение класса проявляется через создание ассоциаций, которые, однако, не препятствуют возрождению конкуренции между самими рабочими. Но перейден своего рода порог, так как эти конфликты внутри пролетариата преодолены, в то время как буржуа разобщены и должны по ряду вопросов уступить рабочим (Маркс прямо ссылается на принятый в Англии в 1847 г. закон о десятичасовом рабочем дне). Таким образом, политическая мобилизация пролетариата буржуазией представляет собой повторяющееся явление «непрерывной борьбы», а формирование пролетариата как класса не имеет ничего общего с линейным процессом. Как мы уже видели, изначальная политическая мобилизация пролетариата происходит в тот момент, когда буржуазия сама формирует себя как класс в ходе борьбы против аристократии. Но, кроме того, буржуазия должна активизировать пролетариат, чтобы помочь ему подавить в своих рядах элементы, враждебные созданию крупной промышленности; она должна также привлечь его в качестве союзника в борьбе против буржуазии других стран. К тому же часть представителей буржуазии в результате прогресса промышленности превращается в пролетариев или сближается с ними. И когда конец буржуазии уже близок, то она распадается, и некоторая часть «буржуазных идеологов» переходит на сторону пролетариата. Таким образом, буржуазия в результате своей политической мобилизации и сближения некоторой ее части с пролетариатом сама привносит в пролетариат «элементы своего собственного образования», т. е. оснащает его оружием, которое он использует против нее самой. Если превращение класса в силу путем его объединения происходит из классовой борьбы, то то же самое происходит в области просвещения. «Объединение» и «просвещение» (*Vereinigung, Bildung*) пролетариата являются двумя сторонами одного и того же явления.

Для социологического анализа интерес представляет не борьба между классом угнетателей и классом угнетенных, а противоборство между классами, которые стремятся установить свое господство, сохранить, защитить его или завоевать (буржуазия добивается своего господства, объединившись с рабочими против аристократии, но и рабочие, как только они начинают существовать как класс, также стремятся стать господствующим классом). Можно резюмировать все это несколькими фразами: а) пролетарии вступили в политическую классовую борьбу (в борьбу буржуазии) раньше, чем они осознали свое единство как класса; б) класс является продуктом средств общения; в) буржуазия воспитывает пролетариат на всех стадиях борьбы классов; г) пролетариат возникает не раньше, чем формируется его классовое сознание; д) содержанием классового сознания пролетариата является не сам пролетариат, а его классовая борьба.

Переход разобщенных рабочих к классовой борьбе через централизацию и концентрацию обозначается Марксом как «организация пролетариев в класс и — тем самым — в политическую партию». Смысл слова «партия» здесь очень далек от того, который оно приобрело в дальнейшем (и у самого Маркса также): объединение, стремящееся к достижению определенных политических целей. Сказано в 1848 г., что пролетариат организуется в партию, значит утверждать, что все ра-

бочие приобщаются к политическому существованию определенного, четко выделенного класса, а коммунисты определяют себя как наиболее решительную часть рабочих партий всех стран и считают неизбежным насильственное ниспровержение всего старого общественного порядка. Но коммунистическая партия не является чем-то вроде штаба революции: она указывает направление, не претендуя на руководящую роль в этой революции. Коммунисты имеют то преимущество, что знают природу исторического процесса, но это не дает им права руководить другими рабочими. (Совершенно иным является учение о партии у Ленина, гл. VI, с. 171 и далее.)

От борьбы рабочих к классовой борьбе пролетариата по Марксу

Разобщенность рабочих
Борьба на местном уровне против хозяев
Мобилизация рабочих против политических врагов буржуазии
Воспитание — образование, осуществляемое буржуазией
Конкуренция между рабочими.

Развитие крупной промышленности и средств сообщения

Господство буржуазии
Концентрация, объединение рабочих
Централизация и национализация борьбы
Непосредственная мобилизация против буржуазии
Осознание пролетариатом своей силы
Боевые отряды
Воспитание — образование, осуществляемое буржуазией
Организация пролетариев в класс и — тем самым — в политическую партию
Внутренний раскол буржуазии
Распад господствующего класса
Господство пролетариата

ГРУППА И СУБЪЕКТ

Группа, согласно Марксу, формируется в результате серии конфликтов между отдельными людьми и группами, которые, говоря философским языком, «объективируют» субъективность. В противоположность этой концепции, в соответствии с которой группа обретает структуру через динамику взаимодействия, делающую ее подвижной, Хайдеггер анализирует неопределенный субъект *man* (франц. — *on*) как неясное и угрожающее целое.

Диктатура «неопределенного субъекта»

В книге «Бытие и время» дается несколько толкований «неопределенного субъекта» (*das Man*). Неопределенный субъект — это та социальная безличность, навязываемая личности (тот самый *Dasein*, согласно концепции Хай-